

Литературное окружение молодого Гончарова (по материалам архива Пушкинского дома).

Вторая половина 1830-х - начало 1840-х годов, время творческого самоопределения Гончарова и его первых литературных опытов, как известно, период минимально документированный. Самое раннее из сохранившихся гончаровских писем относится к началу осени 1842 года. Важнейшим источником сведений об этой поре, как биографического, так и творческого характера, был и остается хранящийся в Пушкинском доме семейный архив Майковых (точнее, архив А.Н. Майкова, объединивший архивные материалы всех членов семьи - ИРЛИ, фонд 168).

Стоит напомнить, что Гончаров знакомится с Майковыми в 1835 году вскоре после своего приезда в Петербург и определения на службу в департамент внешней торговли Министерства финансов. В дом Майковых его вводит Владимир Андреевич Солоницын, правитель канцелярии того же департамента. В семье Майковых Гончаров становится домашним учителем, Аполлону и Валериану он преподает русскую литературу, риторику и латынь. Гончарову в 1835-м - 23 года, Аполлону - 14, Валериану - 12, Володе Майкову (Старику) - 7, Евгении Петровне - 32, Николаю Аполлоновичу - 39, В.А. Солоницыну - 31 год. Имя Солоницына в этот ряд попадает не случайно. Пожалуй, это центральная фигура майковского кружка в первые годы его существования. И для Майковых и для Гончарова Солоницын высочайший авторитет как в служебных, так и в литературных делах. С конца 1830-х и до 1842 года он соредактор О.И. Сенковского по «Библиотеке для чтения». В декабре 1842 года, поссорившись с Сенковским, о чем в подробностях сообщает в одном из писем, он уходит из журнала. «Сенковский должен бы чувствовать, - пишет он, - что у него никогда еще не было такого редактора, каким был я».¹

Надо сказать, что архив Майкова, насчитывающий 1400 единиц хранения, собирался не просто с большой тщательностью, но и с большой любовью. Здесь сохранились и детские письма младших Майковых, и «домашний» альбом стихотворений Евгении Петровны («Часы досуга или мои бредни»), и множество записок самого, казалось бы, незначительного содержания. Для исследователей творчества Гончарова ценнейшим документом архива, безусловно, являются рукописные альманахи Майковых «Подснежник» (за 1835, 1836 и 1838 годы) и «Лунные ночи» (1839 г.), на страницах которых появились ранние поэтические и прозаические опыты Гончарова. Не меньшее значение имеет и обширная переписка, охватывающая время с 1830-х по 1900-е годы, причём 30-е и начало 40-х в особенности, эпистолярно представлены очень полно. В 1842 году Аполлон и Николай Аполлонович отправляются в Италию, затем, летом 1843-го, остальные Майковы (кроме Владимира) и оба Солоницыных, дядя и племянник, путешествуют по Италии, Германии и Франции. Естественно, переписка оживляется.

В архиве сохранилось большое количество писем (часть из них - коллективные), адресованных А.Н. и Н.А. Майковым за границу. Это письма Евгении Петровны, Валериана, Владимира Майковых; чрезвычайно выразительные и характерные - Константина Аполлоновича Майкова, полковника Измайловского полка и директора библиотеки Военной Академии; короткие послания Натальи Александровны Майковой, инспектрисы Екатерининского института²; любопытное письмо Аполлону двух пепиньерок, Ахачинской и Поздеевой³; кроме того письма В.А. Солоницына - младшего (Солика), М.П. Заболоцкого-Десятовского (младшего), С.С. Дудышкина и Я.А. Щеткина.

Большой интерес представляет переписка Солоницына - старшего. Помимо 5-ти его известных писем Гончарову из Рима и Парижа 1843-44 годов (из которых 2 опубликованы И.А. Груздевым⁴), в архиве хранится 25 его писем и записок (в том числе стихотворений), адресованных Евгении Петровне (за время с 1831 по 1844 год); 22 письма, обращенных к обоим - Николаю Аполлоновичу и Евгении Петровне; 2 письма Аполлону, 2 - Валериану; наконец, 53 чрезвычайно интересных письма Евгении Петровны Солоницыну. Стоит добавить, что письма Солоницына, аккуратнейшим образом датированные, до педантизма обстоятельные, занима-

ющие порой до 3-х двойных мелко исписанных почтовых листов большого формата⁵, представляют собой уникальные документальные свидетельства.

Выше названо только то, что относится к интересующему нас периоду и к интересующему нас - близкому Гончарову - кругу лиц. Материалы, касающиеся других членов майковского литературного кружка и авторов «Подснежника» и «Лунных ночей» - В.Г. Бенедиктова, П.П. Свиньина, И.П. Бороздны, П.П. Ершова, И. Карелина⁶, в архиве Пушкинского дома немногочисленны и с Гончаровым напрямую не связаны.

В переписке Майковых Гончаров упоминается не часто и, в основном, мимоходом. Письма их ценны в другом отношении. Майковы постоянно обмениваются театральными и литературными впечатлениями, что позволяет, во-первых, восстановить общий для них и Гончарова круг интересов и круг чтения. Во-вторых, высказывания в письмах дают возможность составить представление о литературных вкусах и литературных взглядах участников майковского кружка, взглядов, достаточно сложившихся и определенных. Скажем, и Евгения Петровна и Солоницын - очевидные приверженцы «Библиотеки для чтения» (хотя Солоницын, вообще резкий в суждениях, порой и о «Библиотеке» отзывается предельно критически) и противники «Отечественных записок» и направления «Отечественных записок» в целом. Имена Кукольника, Полевого, Сенковского в их письмах начала 40-х годов появляются чаще, чем имя Гоголя. Эта определенность литературных пристрастий старших участников майковского кружка облегчает решение вопроса о степени их влияния на молодого Гончарова.

Кроме того, материалы архива позволяют в подробностях восстановить живые характеры и живые отношения, так или иначе отразившиеся в прозе Гончарова, а подчас и обнаружить конкретные истоки проблематики его произведений.

С рукописными альманахами Майковых связано несколько проблем, важнейшая из которых, известная по работам О.А. Демиховской и В.П. Сомова⁷, - проблема атрибуции Гончарову ряда анонимных произведений. Работа с архивом пока не подтвердила принадлежности Гончарову повести «Нимфодора Ивановна» и рассказа «Красный человек», так же, как и других неподписанных текстов. В

отсутствии автографов и документальных свидетельств вопрос авторства Гончарова остается открытым⁸ (поэтому ниже в числе ранних опытов писателя названные произведения упомянуты не будут).

Не меньший интерес представляет и другой вопрос - о расстановке литературных сил на страницах альманаха. Рукописные сборники Майковых были в первую очередь литературной школой для молодых сотрудников, своего рода учебным классом, где осваивали литературное ремесло. Такую задачу ставил Солоницын как редактор. Учебной цели служила и игра в «секретари» (составителем большей части вопросов для «Подснежника» был опять же Солоницын: среди его писем и записок находим целые листы с вопросами), и игра в синонимы и омонимы, требовавшая литературно обработанных ответов (это упражнение также предлагалось авторам альманахов). Однако Солоницын требовал не только литературной учебы и литературной работы, призывая писать, писать и писать и Гончарова, и Евгению Петровну, и молодых Майковых. Редактор «Подснежника» и «Лунных ночей» требовал и четкости позиции - в первую очередь, по отношению к отживающему свой век романтизму или, что будет точнее, к романтизму эпигонскому и романтическим крайностям. У нас нет оснований считать Солоницына идеологом какого-то нового направления в литературе, но считать его критиком старого - есть: достаточно показательны его высказывания в письмах о В.Гюго, Э.Сю и других представителях т.н. «неистойвой словесности». Еще красноречивее помещенный в «Лунных ночах» фельетон «Сказание о великом поэте, который начал писать стихи и перестал писать стихи». Здесь высмеивается именно эпигонство («Вслед Байрону... потянулись, поползли, заковыляли многие бездарные стихотворцы»; появляются, по словам Солоницына, «поэма за поэмой, одна другой занимательнее, одна другой восточнее»; говорится в них «о любви, о мечте, о деве, об одиночестве и величии поэта»⁹). Критической установки редактора нельзя не заметить в майковских альманахах: романтическая тематика и фразеология не раз высмеиваются и вышучиваются в редакторских ремарках, а пародийные антиромантические произведения откровенно противостоят произведениям романтическим. Пародийную струю в альманахах, безусловно, провоцировали романтические «неистовства» Е.П. Майковой. Она, как известно, и

в стихах и в прозе, была чистым романтиком. Автор необыкновенно продуктивный, Евгения Петровна помещает в «Подснежнике» и «Лунных ночах» десятки стихотворений, большое количество прозаических «мелочей» и ряд крупных сюжетных произведений (рассказы и повести «Мария», «Сила души», «Листок из журнала», «Что она такое», «Рассказ из частной жизни»¹⁰ и др.), в письмах же постоянно характеризует себя как натуру «мечтательную», способную «более страдать, нежели наслаждаться». Убеденным романтиком остается Евгения Петровна и в двух своих поздних повестях, опубликованных в 1850-м году в «Библиотеке для чтения»¹¹. В них появляются те же «пламенные» героини, изображаются те же «роковые» страсти, то же «блаженство безумия» и блаженство страдания и впрямую провозглашается превосходство над натурами «положительными» идеалистов и романтиков, этой, как пишет Майкова, «особенной касты в человечестве»¹².

Романтическая «партия» в альманахах представлена главным образом, поэтами - от Бенедиктова до В.А. Солоницына - младшего¹³ (хотя деление на «партии» достаточно условно, и сентиментально-элегическая продукция альманахов в целом не показательна для определения творческой ориентации того или иного автора: о разочаровании в жизни, об утрате иллюзий пишут все, Гончаров в том числе; гораздо показательнее в этом смысле проза). Главным оппонентом Евгении Петровны на страницах альманахов выступает Солоницын - старший, автор 3-х чисто пародийных произведений: пародии на рыцарский роман «Похождения дона Родриго-Родригеса-и-Хименны и сподвижника его Михаила Тетдора») «Подснежник»; 1838 г.); перекликающегося с «Лихой болестью» шаржа на семейство Майковых «Так они наняли дачу!», героиня которого Надежда Федоровна (т.е. Евгения Петровна) «мечтала о каком-то идеальном мире, который возмущал ее чувствительность против мира существенного»; и уже упоминавшегося фельетона «Сказание о великом поэте» (оба последних произведения - в «Лунных ночах»). Отметим, что в «Сказании» Солоницына история беспочвенного юношеского самообольщения и затем посрамления героя (с ироническим, калечащим стихи чтением их бабушкой «великого поэта») - вариант истории младшего Адуева.

К «партии» Солоницына, вероятно, следует отнести Валериана Майкова, впоследствии серьезнейшего критика

романтической эстетики, его пародийные опыты в прозе, и Аполлона Майкова с его чрезвычайно остроумными прозаическими стилизациями и шаржами («Охота за повестями и анекдотами», «Сцены бальной атмосферы», «Рождение XIX столетия», «Покорение страны Семи Пагод европейцами» и др.), и Евгения Корша, выступившего в «Подснежнике» за 1838 год со стихотворением пародий, важной с точки зрения затронутой проблемы столкновения эстетических позиций на страницах альманахов¹⁴. К этой же «партии» несомненно принадлежит и автор «Лихой болести» и «Счастливой ошибки».

Если задаться целью найти источник того конфликта идеализма и позитивизма или романтизма и реализма как мирозерцаний, который ляжет в основу романов Гончарова, то такой источник можно усмотреть в противостоянии позиций внутри майковского кружка (здесь конкретная ситуация отражала, безусловно, ситуацию общую). В ранней прозе Гончарова этот конфликт уже представлен, более того обнажен и пародийно заострен: в «Лихой болести» - в организующий сюжет оппозиции Зуровы Тяжеленко, в «Счастливой ошибке» и очерке «Хорошо или дурно жить на свете» (начало 1840-х) - в противопоставлении «поэтической» и «прозаической» сторон жизни в авторских преамбулах. И если сама эта конфликтность в ранней прозе Гончарова откровенно шуточная, то в романах она приобретает трагический характер.

Интереснее всего, пожалуй, то, что архив Майковых открывает драматический жизненный план за чисто литературным противостоянием романтиков и их оппонентов. Не просто, если судить по переписке, складывались отношения Валериана с Евгенией Петровной. Сохранившиеся его письма к матери предельно ироничны, вызывающе насмешливы. Обращаясь к Валериану, Солоницын старший (в письмах 1843-44) упрекает его в «предубеждении» против Евгении Петровны, в «грязных вопросах» и «непристойных шутках», которые, как он пишет, «сделались формой всех разговоров» Валериана с матерью. И, быть может, не случайно в критических статьях Валериана Майкова не раз будет назван «женственным» весь романтический додоголевский период русской литературы¹⁵.

Другой вариант уже не литературного, а жизненного конфликта романтика и реалиста-прагматика - отношения

Солоницыных, дяди и племянника. Тот и другой, по свидетельству В.А. Старчевского, были непосредственными прототипами героев «Обыкновенной истории».

Когда в декабре 1843 года Евгения Петровна, Николай Аполлонович и Валериан возвращаются в Петербург, оба Солоницыных остаются в Париже. Здесь-то и разыгрывается, судя по письмам, подлинная драма. Дядю не устраивает ни образ мыслей, ни образ жизни племянника. Живущий по принципу: «трудиться, не терять времени, употреблять в дело каждую минуту!»¹⁶, он требует того же от Солика - труда, деятельности, активной самореализации, находя у него лишь «заблуждения» и «чрезвычайную шаткость нрава». «Надобно, - пишет Солоницын, - чтобы он немножко переменился. Иначе я должен буду отказаться от дальнейшего об нем попечения... как мне отвечать за того, кто живет ни своим, ни моим умом и не слушается моих советов?»

Евгения Петровна, которой и адресованы эти признания, отвечает: «Солик по характеру своему и по молодости и рассеян и ветрен, но у него доброе и благородное сердце, за это я ручаюсь».¹⁷ «Что мне толку, - откликается Солоницын, - что его называют добрым?.. Слова добрый Солик значат глупый Солик... К тому же эта доброта не мешает ему, однако, носить в своем так называемом добром сердце (здесь и выше подчеркнуто Солоницыным - А.Г.) глубоко укоренившийся стержень неблагодарности». «Когда я, - продолжает дядя, - показывал ему вещи с их неподкрашенной стороны, он соглашался со мною и говорил даже, что сам начинает видеть многое не так, как видел прежде, но если случалось что-нибудь такое, что задевало его сокровенные чувства и понятия, он являлся опять прежним Хрюшей, Соляшей, ... который готов наделать... тысячу разных глупостей». «Я снабдил его всем нужным, продолжает Солоницын, - от него будет зависеть, воспользоваться моими об нем попечениями и моими советами. Но наперед говорю: беда ему, если я увижу, ... что он опять тот же добренький Солик, каким был до отъезда в Париж: в этом случае я без дальних околичностей бросаю его и у меня об нем не будет больше помину».

В следующих письмах обвинения и угрозы дяди в адрес племянника приобретают уже некоторый оттенок маниакальности¹⁸, сами же письма начинаются словами: «Секретно», «Прочеть прежде всего» (Солоницын упрекает Май-

ковых, что те дают читать его письма «целому миру», «целому Петербургу»).

Очевидно, что психология отношений между дядей и племянником отражена Гончаровым в «Обыкновенной истории». И, вероятно, не только в ней. Здесь речь может идти и об «Обломове» с его проблематикой сердца.

Гончаров не просто знал характер отношений между Солоницыными, он почти наверняка читал письма Владимира Андреевича, несмотря на их «секретность». Дело в том, что продолжавшаяся 13 лет переписка Евгении Петровны с Солоницыным (сама по себе интереснейший документ, она позволяет предположить роман, с заметными чертами литературности, книжности) в августе 1844 года обрывается. Солоницын умирает при неизвестных обстоятельствах, по одной из версий, в поезде по дороге из Парижа в Брюссель¹⁹. Выше цитировались его последние письма. И именно потому, что последние, вероятно, Гончарову известные.

Я попыталась представить лишь одну сторону отношений в кругу Майковых, намеренно выбрав сторону сложную, даже драматическую. В целом же, если судить по мемуарам и переписке (молодых Майковых в особенности, и по письмам Гончарова в том числе) обстановка во всегда и для всех открытом доме Майковых была необыкновенно живой и веселой. В тех же письмах Владимира Андреевича Солоницына находим, к примеру, шутливый рассказ о посещении Екатерининского института, упоминание о том, что «Гончаров продолжает вздыхать о Челаевой», или, наконец, такую картинку встречи Нового, 1843 года: «Были Толстые, Юния, все наши мужчины и Наталья Александровна с пепиньерками... Потом было лакомство, чай, омонимы и уголки (подчеркнуто Солоницыным - А.Г.). Юния была просто пьяна... Я сидел за другим столом и, оградив себя с одной стороны Валерьяном от юных прелестей Лизы Толстой, а с другой Гончаровым от двусмысленных глазок Челаевой, не распалив в себе умеренного вакхического восторга огнем бешеного Амура, ...а Гончаров с Дудышкиным вместо Литейной заехали к Измайловскому мосту»²⁰.

Екатерининский институт - еще один самостоятельный сюжет в переписке Майковых. Институту, как известно, посвящен очерк Гончарова «Хорошо или дурно жить на свете», впервые опубликованный Е.А. Ляцким, позднее - А.Г. Цейтлиным²¹. Судя по письмам, Гончаров - завсегда тай

институтских «пятниц», как и трое молодых Майковых, оба Солоницыных, Дудышкин, Щеткин и глубоко неравнодушный к пепиньеркам Константин Аполлонович. В письмах институт называется Раем, Эдемом, пепиньерки - ангелами, блаженными. Именно эти образы использует и обыгрывает в своем очерке Гончаров.

Наконец, последний сюжет, для которого архив Майковых может дать новый материал. В статье С.С. Деркача о майковском кружке упомянута газета, которую Майковы выпускали в 1842-43 годах²² и для которой «Иван Александрович и Яша чудо какие статьи пишут и много смешат нас» (эту цитату из письма Е.П. Майковой Н.А. Майкову приводит А.Д. Алексеев в «Летописи жизни и творчества И.А. Гончарова»²³). Тексты Гончарова остаются неизвестными, сохранились лишь тексты Яши Щеткина, их переписывает Владимир Майков и отправляет брату в Италию. В газете дом Майковых представлен неким королевством Трузсонией, его посетители соседствующими с ним государствами. Остающийся неизвестным нам как автор газеты, здесь Гончаров появляется как персонаж газетных статей. Прочитав письмо Вл. Майкова Аполлону от 24 октября 1842 года. «В два дня, - пишет он, - у нас стала зима; снег такой большой, что вчера, возвращаясь из Трузсонского королевства (так в газете называется маменькина квартира), Иван Александрович и Хрюшечка насилу дошли до своих королевств, несмотря на то, что Хрюшечка тщательнее работал ножками. Варька в достоинстве цензора газеты отправился теперь к Яше. Первое чтение будет происходить в Королевстве Трузсонии... Вот вам имена всех островов. 1.Королевство Трузсония. 2.Королевство Новой Флориды (институт). 3.Вольный город Урания (Юния). 4.Остров Труда (Владимир Андреевич). 5.Остров непрерывного движения (Солик). 6.Остров Марса (дядя Константин). 7.Остров Покоя (Ив. Алекс.). 8.Остров Непостоянства (Валерка). 9.Остров Комплиментов (Як. Алекс.). Вообще газета приводит в деятельность всех»²⁴. Отметим, что те аллегорические характеристики, которые получают герои очерка Гончарова «Хорошо или дурно жить на свете», очень близки названиям островов в газете.

В последние годы все чаще ставится вопрос о литературных реминисценциях в произведениях Гончарова, о широком масштабе подобного рода реминисценций (фольклор,

античность, русская, европейская литературы). Помимо мирового литературного контекста у прозы Гончарова есть и ближайший литературный контекст. Ранние его произведения тематически связаны с произведениями авторов «Подснежника» и «Лунных ночей». Рассматривался и вопрос о связи социальных, эстетических идей писателя с критическими статьями Вал. Майкова, работами А.П. Зблоцкого-Десятовского²⁵. Существует и любопытная обратная связь - когда Майковы реагируют на произведения Гончарова. Можно назвать, к примеру, очерк Аполлона Николаевича «Завещание дяди племяннику» («Отечественные записки», 1847 г., N 4) и уже упоминавшуюся выше повесть Е.П. Майковой «Женщина» («Библиотека для чтения», 1850 г., т.99). Героиня последней из «мечтательной Софьи» превращается в «Софью положительную», чему Евгения Петровна никак не сочувствует.

Таким образом, вопрос о взаимовлиянии молодого Гончарова и его ближайшего литературного окружения представляется актуальным.

¹ Письмо Н.А. и А.Н. Майковым от 6/18 января 1843 г. - ИРЛИ; Р.1, оп. 17, N 156, л. 7 об. О причинах разрыва с Сенковским - там же, л.8.

² Н.А. Майкова (урожд. Измайлова), вдова Валериана Аполлоновича Майкова (1805-1837).

³ В Смольном, Патриотическом и Екатерининском женских институтах существовал «пепиньерский класс» (от фр. pépinière - питомник, рассадник), в котором выпускницы проходили дополнительный одно-двухгодичный курс обучения. В письмах Майковых в числе гостей дома упоминаются, помимо Ахачинской и Поздеевой, пепиньерки Вахрушова и Челаева (о последней см. ниже); имена их не установлены.

⁴ Груздев И.А. 1/В.А. Солоницын о неизвестном романе И.А. Гончарова // Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 67. Л., 1948. С. 108-114; 2/ К вопросу о замысле романа И.А. Гончарова «Старики»: (Письмо В.А. Солоницына к И.А. Гончарову) // Вопр. изучения рус. лит-ры XI-XX веков. М.; Л., 1958, С. 332-335.

⁵ По этому поводу сам Солоницын иронизирует: «Вы, Евгения Петровна, хвастаетесь своими частыми ко мне письмами. Да, я пишу реже; но зато каждое мое письмо

длиннее дороги из Петербурга в Охотск. Я думаю, когда Вы получаете одно из них, то не дочитали еще предыдущего».
- Письмо Е.П. Майковой от 27 марта / 8 апреля 1844 г.
ИРЛИ, Р.1, оп. 17, N 153, л. 21 об.

⁶ Как установлено Б.Л. Бессоновым, И. Карелин, входивший в кружок Майковых и публиковавшийся в «Библиотеке для чтения», ничего общего не имеет с путешественником Г.С. Карелиным. О последнем см.: Деркач С.С. И.А. Гончаров и кружок Майковых // Уч. зап. ЛГУ им. А.А. Жданова. N 355. Сер. филол. наук. Вып. 76. Л., 1971. С. 24.

⁷ Демиховская О.А. 1 /Неизвестная повесть И.А. Гончарова//Русская литература. 1960. N 1. С. 139-146; 2 /Публ. И.А. Гончаров. Нимфодора Ивановна // Неделя. 1968. NN 1-4; /Сомов В.П. 1/ «Редакция «Подснежника» имеет честь предложить...» (о неизвестной пародии И.А. Гончарова) // Русская литература. 1970. N 3. С. 94-99; 2 /Анонимная повесть «Красный человек» в рукописном журнала Майковых.// И.А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск. 1976. С. 99-116.

⁸ Чемена О.М. Об одной спорной атрибуции // Русская литература. 1975. N 4. С. 159-162.

⁹ ИРЛИ; N 16496, с. 207, 209-210, 213 (пагинация «Лунных ночей»).

¹⁰ Последний опубликован. См.: Рассказ из частной жизни женщины // Семейный круг. 1858-1859. N 2. С. 11-35. (подпись: «Е.-ва»).

¹¹ Женщина // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. С. 147-180. /Подпись: «Е.М...ва»/; Женщина в тридцать лет // Там же. 1850. Т. 101. С. 29-96 /подпись: «Е.Подольская»/.

¹² Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. С. 152.

¹³ На основе писем Майковых можно атрибутировать Вл. Ап. Солоницыну ряд стихотворений в «Библиотеке для чтения» (начало 1840-х годов), подписанных криптонимом «С».

¹⁴ ИРЛИ: N 16495, л. 65. Стихотворение Е.Корша «Решительность и независимость» (перевод из Вордсворта) имеет аннотацию редактора: «Это стихотворение доставлено нам при следующем письме: «Господин редактор, - позвольте напомнить Вашим читателям, что Вордсворт большой чудаки. Он хочет поэзии без фразеологии поэтической, хочет поэзии предмета, поэзии чувств и дум, им возбуждаемых, отметая всякую прикрасу выражений, как белила и румяна».

¹⁵ Майков В.Н. Критические опыты. Спб., 1891. С. 394, 396.

¹⁶ См. его письмо Н.А. и Е.П.Майковым от 10/22 января 1843 г. - ИРЛИ; Р.1, ОП. 17, N 156, л. 10 об. Цитируемые далее письма Солоницына см. под тем же шифром.; кроме того - ИРЛИ; Р.1, оп. 17, N 153 (письма к Майковой Е.П.).

¹⁷ Письмо В.А.Солоницыну от 18 февраля 1844 года - ИРЛИ; Р.1. оп. 17, N 138, л. 68 об.

¹⁸ В письме от 10 августа 1844 г. Солоницын сообщает Майковым о своей тяжелой болезни, о «слабости», происходящей от вседневной испарины и совершенного отсутствия аппетита», добавляя: «Руки мои трясутся, и я пишу тихо, вывожу каждую букву с тщанием». - ИРЛИ; Р.1. оп. 17, N 156, л. 43 об.

¹⁹ См.: Ляцкий Е.А. Роман и жизнь: Развитие творческой личности Гончарова. Прага, 1925.

²⁰ ИРЛИ; Р.1. оп. 17, N 156, л. 8-8 об.

²¹ Ляцкий Е.А. Указ. соч. С.119-125; Цейтлин А.Г. И.А.Гончаров. М., 1950. С. 445-449.

²² Деркач С.С. Указ. соч. С.18.

²³ М.; Л., 1960. С. 22.

²⁴ ИРЛИ; N 17374, л. 8 об.

²⁵ См.: Пиксанов Н.К. Белинский в борьбе за Гончарова //Уч. зап. ЛГУ. N 76. Сер. филол. наук., вып. 11. Л., 1941. С. 63-65; Деркач С.С. Указ. соч. С. 36-38; Сахаров В.И. «Добиваться своей художественной правды...»: (Путь И.А.Гончарова к реализму)// Контекст 1991. Лит. - теор. исслед. М., 1991. С. 125-126, 129-130.

И.А. ГОНЧАРОВ

*(Материалы международной конференции,
посвященной 180-летию
со дня рождения А.И.Гончарова)*

Ульяновск
1994